

УДК 821.112.2'38:37

Ж. Е. Потапова

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧИТЕЛЕЙ
И УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «UNTERM RAD»**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению лингвостилистических приемов, с помощью которых автор романа «Unterm Rad» («Под колесом») Герман Гессе выражает свое отношение к проблеме воспитания и образования молодежи в Германии на рубеже XIX–XX веков. Сделана попытка показать, какую роль в романе немецко-швейцарского писателя играют такие лингвостилистические приемы, как удачно подобранные эпитеты, ассоциации с малоприятными образами, сравнение, антитеза, лексико-синтаксические повторы, риторический вопрос в авторской речи и сочетание этих приемов. Тема воспитания и образования молодежи актуальна для любого временного периода. Данная статья является продолжением разработки темы «Условия формирования духовно-моральных ценностей немецкой молодежи на рубеже XIX–XX веков» на материале художественных произведений указанного периода.

Ключевые слова: Герман Гессе, «Unterm Rad» («Под колесом»), школа, лингвостилистические приёмы.

**ЛІНГВОСТИЛІСТИЧНІ ПРИЙОМИ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВЧИТЕЛІВ І НАВЧАЛЬНО-ВИХОВНОГО ПРОЦЕСУ
В РОМАНІ ГЕРМАНА ГЕССЕ «UNTERM RAD»**

Анотація

Стаття присвячена розгляду лінгвостилістичних прийомів, за допомогою яких автор роману «Unterm Rad» («Під колесом») Герман Гессе показує своє ставлення до проблеми виховання та освіти молоді в Німеччині на рубежі XIX–XX століть. Зроблено спробу показати, яку роль у романі німецько-швейцарського письменника відіграють такі лінгвостилістичні прийоми, як вдало підбрані епітети, асоціації з малоприємними образами, порівняння, антитеза, лексико-синтаксичні повтори, риторичне запитання в авторській мові і поєднання цих прийомів. Тема виховання та освіти молоді актуальна

для будь-якого часового періоду. Дана стаття є продовженням розробки теми «Умови формування духовно-моральних цінностей німецької молоді на рубежі XIX–XX століть» на матеріалі художніх творів зазначеного періоду.

Ключові слова: Герман Гессе, «Unterm Rad» («Під колесом»), школа, лінгвостилістичні прийоми.

LINGUOSTYLISTIC MEANS OF TEACHERS AND THE LEARNING AND UPBRINGING PROCESS CHARACTERIZATION IN THE NOVEL «UNTERM RAD» BY H. GESSE

Annotation

The article analyses linguostylistic devices employed by H. Hesse, the author of the novel «Unterm Rad», to demonstrate his approach to the problem of young generation education and upbringing in Germany at the end of the 19th, the beginning of the 20th c. An attempt has been made to show the part played in the novel of the German and Swiss writer by such devices as aptly selected epithets, associations with far from being pleasant images, antithesis, lexical and syntactic repetitions, rhetoric questions in the author's speech and a combination of these stylistic means and devices. Young generation education and upbringing is an eternal burning problem. The article is a continuation of analyzing the subject «Conditions of German young people spiritual and moral values formation at the end of the 19th, at the beginning of the 20th c.» (on the material of this period writers literary works).

Key words: Hermann Hesse, «Unterm Rad», the system of school education, linguostylistic devices.

Данная статья является продолжением разработки темы «Условия формирования духовно-моральных ценностей немецкой молодежи на рубеже XIX–XX веков» на материале художественных произведений указанного периода. Цель работы – показать лингвостилистические приемы, которые Герман Гессе использовал в романе «Unterm Rad» для характеристики учителей и учебно-воспитательного процесса.

В своей вступительной статье о Германе Гессе и его ранней повести «Под колесами» Л. Черная отмечает, что Гессе, подробно описывающий множество однокашников своего героя, почти не дает себе труда обрисовать детально школьных и семинарских учителей глав-

ного героя, что дело не в характерах и поведках учителей, а в том, что они являются всего лишь колесиками государственной системы, которой нужны покорные чиновники, попы, офицеры [1]. Это так. Но вместе с тем в романе есть достаточно информации, чтобы иметь представление о том, что это за «колесики» и как выглядят плоды их функционирования. Местами Гессе в авторской речи прямо обличает методы и конечные цели германской воспитательной системы, местами делает это опосредованно. В последнем случае используются лингвостилистические приемы, которые встречаем в авторских рассуждениях, речи персонажей и несобственно-прямой речи героев.

Ощущение себя в учебном заведении передано ассоциациями с малоприятными образами. Так, во время экзаменов герой романа Ганс Гибенрат чувствует себя словно преступник в камере пыток (*wie ein Verbrecher in der Folterkammer* [2, с. 391]), а весь период подготовки, жестоко направлявшийся его учителями для собственной славы, воспринимается как мучительный круговорот длинного, суетливого, загнанного года (*der ganze folternde Trubel eines langen, ruhelosen, gehetzten Jahres*) [2, с. 406]. Другой герой, бунтарь Герман Гейльнер, иронизируя по поводу надписи на дверях классной комнаты «Эллада», говорит: «Почему не написать: «Мусорная корзина», или «Клетка для рабов», или еще лучше – «Страхолюдие». Все эти классические вывески – чистый обман!» (*Warum heißt sie nicht >Papierkorb< oder >Sklavenkäfig< oder >Angströhre<? Das ganze klassische Zeug ist ja Schwindel* [2, с. 442]). Протестуя против наказания, Гейльнер сбежал из монастыря, наконец-то он вырвался из своей клетки (*Er fror und konnte nicht schlafen, doch atmete er in einem tiefen Freiheitsgefühl mächtig auf und streckte die Glieder, als wäre er aus einem engen Käfig entronnen* [2, с. 482]), после чего ему пришлось предстать перед судилищем учительского конвента (*Man verlangte, er solle Abbitte tun, doch weigerte er sich und trat dem Femegericht des Lehrerkonvents durchaus nicht zaghaft oder ehrerbietig gegenüber* [2, с. 483]), а семинаристы стали смотреть на него, как на вырвавшегося из неволи орла (*manche sahen dem seinerzeit ängstlich gemiedenen Flüchtling später nach wie einem entflohenen Adler* [2, с. 483]).

Удачно подобранные эпитеты усиливают впечатление неудобной

обстановки. Когда после тяжелого учебного года и вступительных экзаменов Ганс надеялся отдохнуть на каникулах, его опять вынудили дополнительно заниматься. Для ослабленного мальчика во всей этой атмосфере было что-то гнетущее, сковывающее, и в плохие дни она порождала чувство безысходности и отчаяния (Es lag dann etwas Lähmendes und überaus Drückendes in der Luft, das an schlechten Tagen sich in Trostlosigkeit und Verzweiflung verwandeln konnte [2, с. 421]). Став семинаристом, он вечером вместе с девятью новыми товарищами впервые переступил порог холодной, голой спальни и улегся на узкой койке (Es war ihm doch eigentümlich ums Herz, als er am Abend zum erstenmal mit den neun zusammen den kühlen, kahlen Schlafsaal betrat und sich in seine schmale Schülerbettstatt legte [2, с. 431]). А вскопе настали ненастные, сумеречные ноябрьские дни (Unterdessen kamen stürmische, dunkle Novembertage [2, с. 451]). В черные ночи буря перекатывала огромные горы туч через мрачные холмы и со стоном, а то и ворча, налетала на могучие монастырские стены. Деревья стояли уже полностью голыми, и только дубы шумели сухой листвой громко и угрюмо (schwarze Nächte, in denen der Sturm große rollende Wolkenberge durch die finstern Höhen trieb und stöhnend oder zankend um die alten festen Klostergebäude stieß. Die Bäume waren nun völlig entlaubt; nur die mächtigen, knorrig verästelten Eichen... rauschten noch mit welken Laubkronen lauter und mürrischer als alle anderen Bäume [2, с. 451]).

Широко используются сравнение и противопоставление, часто в сочетании с меткими эпитетами, делающими более ярким изображение положения в учебно-воспитательном аспекте. Гомера, например, по высказыванию Германа, там читают, будто Одиссея – поваренная книга. «По две строки за урок, потом каждое слово пережевываем, выворачиваем, пока тошно не станет» («Da lesen wir Homer«, höhnte er weiter, »wie wenn die Odyssee ein Kochbuch wäre. Zwei Verse in der Stunde, und dann wird Wort für Wort wiedergekaut und untersucht, bis es einem zum Ekel wird. [2, с. 442]). Таким образом, Гомера у него «могут украсть» (Auf die Art kann mir der ganze Homergestohlen werden [2, с. 442]). А вот Шекспир, Шиллер и Ленау открывали перед ним другой, куда более увлекательный и прекрасный мир, чем тот, который, унижая и подавляя, окружал его.

Монастырь находился в прекрасном месте, здесь должно расти нечто живое, дарящее счастье. С некоторых пор монастырь отвели под протестантскую духовную семинарию, чтобы восприимчивые молодые души были окружены красотой и спокойствием и не были подвержены влиянию семьи и города. Это давало возможность годами представлять воспитанникам изучение древнееврейского и греческого языков и прочих второстепенных предметов как единственную цель жизни (Es wird dadurch ermöglicht, den Jünglingen jahrelang das Studium der hebräischen und griechischen Sprache samt Nebenfächern allen Ernstes als Lebensziel erscheinen zu lassen [2, с. 425]). К тому же учредители тем самым позаботились о том, чтобы воспитанники были пропитаны определенным духом, по которому их всегда бы можно было узнавать – тонкий и надежный способ ставить клеймо (Die Stiftung... hat hierdurch dafür gesorgt, dass ihre Zöglinge eines besonderen Geistes Kinder werden, an welchem sie später jederzeit erkannt werden können – eine feine und sichere Art der Brandmarkung. [2, с. 425]). В то время как учителя прогимназии, заботясь о собственном прославлении, вынуждали своего подопечного заниматься даже на каникулах, не давая никакой возможности отдохнуть от напряженного учебного года и набраться сил, сапожник Флайг считал, что это глупость, что учителя хватили лишку, каникулы для того и дают, чтобы на воле побольше бегать, а не сидеть дома и твердить уроки. Флайг противопоставляет Ганса его сверстникам и дает наставление: лучше дважды получить увечье, нежели душу покалечить (Denn das sage ich dir: lieber zehnmal am Leibe verderben als Schaden nehmen an seiner Seele! [2, с. 424]). Во время торжественной церемонии по случаю поступления в духовную семинарию гордые и похвальные чувства, прекрасные надежды вздымали грудь родителей, и ни один из них не подумал о том, что в этот час он из-за денежной выгоды продал сына государству (Stolze und löbliche Gefühle und schöne Hoffnungen schwellten ihre Brust, und kein einziger dachte daran, dass er heute sein Kind gegen einen Geldvorteil verkaufe [2, с. 432]).

Учителя и наставники в прогимназии и семинарии, за исключением репетитора Видериха, приветливого молодого педагога, еще не утратившего способность к состраданию, ведут себя по-разному в зависи-

мости от ситуации. Так, господина эфора нельзя было назвать ограниченным человеком, и он даже испытывал некое благоволение к своим воспитанникам. Но главной его бедой было раздутое тщеславие. Он не выносил, когда ему перечили или хотя бы незначительно усомнились в его всемогуществе и авторитете, не был в состоянии признать даже малейший свой промах. Вот и получалось, что безвольные и нерадивые ученики превосходно с ним ладили, а честные и добросовестные страдали, так как даже намек на противоречие его раздражал (Sein Hauptfehler war eine starke Eitelkeit, ... welche ihn nicht dulden ließ, seine Macht und Autorität nur im Geringsten bezweifelt zu sehen. Er konnte keinen Einwurf vertragen, keinen Irrtum eingestehen. So kamen willenslose oder auch unredliche Schüler prächtig mit ihm aus, aber gerade die Kräftigen und Ehrlichen hatten es schwer, da schon ein nur angedeuteter Widerspruch ihn reizte [2, с. 466–467]). А учителя прогимназии, после того как Ганс не оправдал их эгоистических надежд, хотя и заговаривали с ним приветливо, встречая на улице, и доброжелательно кивали ему, в сущности, им больше не интересовались. Ведь он уже не был сосудом, который можно заполнить чем угодно, не был он и пашней, которую можно засеять любыми семенами. А потому не было уже смысла тратить на него время (Zweimal sprach der alte Rektor ein paar freundliche Worte mit ihm, auch der Lateinlehrer und der Stadtpfarrer nickten ihm auf der Straße wohlwollend zu, aber eigentlich ging Hans sie nichts mehr an. Er war kein Gefäß mehr, in das man allerlei hineinstopfen konnte, kein Acker für vielerlei Samen mehr; es lohnte sich nicht mehr, Zeit und Sorgfalt an ihn zu wenden [2, с. 490–491]).

Прием лексико-синтаксического повтора в сочетании с риторическим вопросом в авторской речи создает экспрессию, предвещающую трагический финал. Никто из наставников не разглядел у мальчика признаков страдания гибнущей души, которая в страхе и отчаянии пугливо озирается вокруг. И никто не думал о том, что именно школа и варварское тщеславие отца и некоторых учителей довели это хрупкое существо до такого состояния. Зачем заставляли его в самом нежном и опасном возрасте ежедневно заниматься до поздней ночи? Зачем отняли кроликов, разлучили с товарищами, запретили бегать

на рыбалку, бродить по лесам, а привили этот низменный идеал столь гнусного, изнуряющего честолюбия, лишили заслуженных каникул даже после экзамена? А теперь он, словно загнанный лошенок, лежал у обочины и уже ни на что не был годен (Keiner ... sah hinter dem hilflosen Lächeln des schmalen Knabengesichts eine untergehende Seele leiden und im Ertrinken angstvoll und verzweifeln um sich blicken. Und keiner dachte etwa daran, dass die Schule und der barbarische Ehrgeiz eines Vaters und einiger Lehrer dieses gebrechliche Wesen so weit gebracht hatten. Warum hatte er in den empfindlichsten und gefährlichsten Knabenjahren täglich bis in die Nacht hinein arbeiten müssen? Warum hatte man ihm seine Kaninchen weggenommen, ihn den Kameraden in der Lateinschule mit Absicht entfremdet, ihm Angeln und Bummeln verboten und ihm das hohle, gemeine Ideal eines schäbigen, aufreibenden Ehrgeizes eingepft? Warum hatte man ihm selbst nach dem Examen die wohlverdienten Ferien nicht gegönnt? Nun lag das überhetzte Rößlein am Weg und war nicht mehr zu brauchen [2, с. 485–486]).

Таким образом, умелое использование различных лингвостилистических приемов дает возможность читателю получить достаточно информации, чтобы увидеть четкую позицию автора в отношении воспитательно-образовательной системы, существовавшей в Германии на рубеже XIX–XX веков.

Список литературы

1. Черная Л. [Электронный ресурс] / Л. Черная. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=59455>
2. Hesse H. Unterm Rad // Hermann Hesse. Gesammelte Schriften. Erster Band / Hermann Hesse. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1987. – S. 373–546.